

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Р35

Cora Reilly
BOUND BY VENGEANCE

Серия «Рожденные в крови»

Печатается с разрешения литературных агентств
Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

Перевод с английского *Елены Соловьевой*
Оформление обложки *Влада Воронина*

Рейли, Кора.

Р35 Связанные мстью: [роман] / Кора Рейли; — [перевод с английского Соловьевой Е.]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 352 с. — (Рожденные в крови).

ISBN 978-5-17-163444-5

Люди называют его Гроулом при встрече, а за спиной — Бастардом, но никто не знает его настоящего имени. Он нежеланный внебрачный сын, которому всегда приходится довольствоваться обедками других. Дон Каморры Фальконе держит его при себе как цепного пса, как монстра, выполняющего любую грязную работу. А сам Гроул всегда чувствует себя изгоем, ведь люди смотрят на него так, словно боятся запачкаться.

И вот ему отдают девушку, которая всего несколько дней назад была для него недостижима...

Кара — самый ценный подарок, который он когда-либо получил. Но подарок сделан не за верную службу, а чтобы наказать отца Кары, предавшего своего Дона. Для девушки этот способ отомстить предателю означает участь, что хуже смерти. Фальконе уверен: Гроул сломает ее.

Кара — хорошая девочка из высшего общества, которая должна была удачно выйти замуж. Но теперь она находится во власти монстра, отверженного людьми и не знающего пощады.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-163444-5

© 2017 by Cora Reilly
© Соловьева Е.Е., перевод, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Пролог

Гроул

Настороженный взгляд. Приоткрытые губы. Раскрасневшиеся щеки. Бледная кожа. Она походила на фарфоровую куклу: большие голубые глаза, волосы цвета горького шоколада и кремово-белая кожа; хрупкая красота, то, к чему я не должен был прикасаться. Мои покрытые шрамами руки привыкли дарить лишь жестокость. Я обхватил ее запястье; пульс бился так сильно, словно птичка, попавшая в клетку. Она пыталась бороться, пыталась быть храброй, пыталась причинить боль, может быть, даже убить меня. Неужели она и впрямь надеялась, что у нее что-то выйдет?

Надежда... Она делала людей глупыми, заставляла верить во что-то за гранью реальности. Я же давно искоренил привычку питать надежды. Знал, на что я способен. Она надеялась, что сможет убить меня, в то время как я *не сомневался*, что могу убить ее.

Я провел рукой по мягкой коже ее шеи, слегка обхватив пальцами. Ее зрачки расширились, но я не стал давить, лишь едва касался. Ее пульс бился под моей грубой ладонью. Я был охотником, а она — моей добычей. Я был тем, кто пришел за своей наградой. Вот почему Фальконе отдал ее мне.

Мне нравились вещи, которые причиняют боль. Мне *нравилось* причинять боль другим. Я наклонился так, что нос почти коснулся нежного участка кожи у нее за ухом, и втянул воздух. К цветочному аромату примешивался едва уловимый запах пота. Страх. Его я тоже почувствовал. Я не мог больше противиться своим желаниям. Да теперь и не надо было. Никогда больше. С ней больше никогда. Моя. Она принадлежала мне.

Я прижался губами к ее разгоряченной коже. Пульс трепетал под моими губами, когда я целовал ее в шею. Паника и ужас отбивали бешеный ритм у нее под кожей. И это привело меня в состояние крайнего возбуждения.

Ее взгляд встретился с моим. В нем промелькнул проблеск надежды... проклятой надежды. Глупышка... В ее взгляде читалась неприкрытая *мольба* о пощаде. Она не знала меня, не знала, что та часть меня, которая не была рождена монстром, сгинула давным-давно. Милосердие — последнее, о чем я думал в тот момент, когда клеймил ее тело своим взглядом.

Глава первая

Кара

Когда я впервые встретила его, он был одет не так, как раньше. На нем был стильный черный костюм, скроенный таким образом, что в нем он становился похожим на одного из нашего круга. И несмотря на то что слои дорогостоящей ткани скрывали его многочисленные татуировки, они не могли скрыть его истинной природы. Он был опасным и диким зверем. Тогда я и подумать не могла, что ближе, чем кто-либо другой, познакомлюсь с монстром, который живет в его душе. Не предполагала... что это перевернет всю мою жизнь с ног на голову. Что это изменит меня до неузнаваемости.

— Поверить не могу, что они позволили тебе пойти с ними, — пробормотала Талия. Я отвернулась от зеркала, чтобы взглянуть на нее. Она сидела, скрестив ноги, на моем стуле, одетая в свои изношенные спортивные штаны, а ее длинные каштановые волосы были собраны на макушке в беспорядочный пучок. Ее растянутая выцветшая футболка с дырками и пятнами привела бы нашу мать в ярость. Талия мрачно улыбнулась, проследив за моим взглядом. — Ты же в курсе, что мне особо не для кого здесь наряжаться.

— Существует разница между тем, чтобы не наряжаться, и тем, что делаешь ты, — сказала я с оттенком неодобрения в голосе.

На самом деле я не злилась на сестру за то, что она носила выдающуюся одежду, но я знала, что ее единственной целью было разозлить маму. Причем таков был вероятный сценарий развития дальнейших событий, учитывая склонность нашей матери к перфекционизму и привычку все преувеличивать. Но чего я правда не хотела, так это того, чтобы ее настроение испортилось незадолго до начала бала. Потому что тогда я останусь в проигрыше. Угадайте, кого мама выбирала мишенью для своих колкостей? Уж конечно не папу. У мамы была склонность принимать все слишком близко к сердцу, когда Талия или я совершали, по ее мнению, промахи.

— Я лишь хочу донести свою точку зрения, — сказала Талия, слегка пожимая плечами.

Я вздохнула.

— Нет, ты ведешь себя мелочно и по-детски.

— Вообще-то, я и *есть* ребенок, причем слишком маленький для светского раута в особняке Фальконе, — повторила Талия, подражая тону матери.

— Это мероприятие для взрослых. Большинству пришедших туда будет больше восемнадцати лет. Мама права. Тебе не с кем было бы поговорить, и кому-то пришлось бы присматривать за тобой весь вечер.

— Мне пятнадцать, а не шесть. А ты всего на четыре года старше меня, так что не веди себя как взрослая, — возмущенно сказала она, поднимаясь со стула. Пошатываясь, она направилась в мою сторону и посмотрела мне прямо в глаза, в ее взгляде читался вызов. — Это, наверное, ты сказала маме не брать меня туда, потому что знала, что тебе придется присматривать за мной. Ты *боялась*, что я опозорю тебя перед твоими идеальными подругами.

Я нахмурилась.

— Ты ведешь себя нелепо.

Но чувство вины вспыхнуло во мне из-за слов Талии. Я не уговаривала маму заставить мою сестру остаться дома, но и не очень упорно настаивала на том, чтобы она присоединилась к нам. Талия была права. Я боялась, что вынуждена буду застрять с ней на весь вечер. Мои подруги терпели ее, когда мы встречались у нас дома, но сам факт, что им пришлось бы ошиваться на официальном приеме в компании с девушкой на четыре года младше, не привел бы их в восторг. Вечеринка у Фальконе всегда означала шанс встретить подходящую пару, а необходимость нянчиться с сестрой своей подруги фактически сво-

дила такой шанс на нет. Мне же хотелось, чтобы этот вечер стал особенным.

Должно быть, какая-то из этих мыслей слишком явно отразилась на моем лице, потому что Талия усмехнулась.

— Я так и *знала*. — Она развернулась на каблуках и вышла из комнаты, хлопнув дверью так сильно, что я не могла не поморщиться.

Я вздохнула, затем повернулась к своему отражению, в последний раз проверяя макияж и прическу. Мне довелось просмотреть немало обучающих видео бьюти-блогеров, чтобы убедиться, что я правильно сделала дымчатый макияж глаз. Все должно было быть идеально. Мать была суровым критиком, но Триш с Анастасией были еще хуже. Они бы наверняка заметили, если бы я подобрала не тот оттенок теней для век к своему платью или если бы моя рука дрогнула, когда я наводила стрелки. Именно их пристальное внимание к моей персоне всегда служило мощным стимулом подходить к своему образу со всей тщательностью. Благодаря им я всегда была в тонусе. Для чего же еще нужны друзья.

Мое платье было темно-зеленым, а тени для век всего на несколько тонов светлее. Идеально. В последний раз проверила маникюр на наличие трещин, но ногти тоже выглядели безупречно. Их покрывал нежный темно-зеленый лак. Я несколько раз поправила подол, чтобы он идеально облегал колени, затем снова пригладила волосы и убедилась, что ни одна заколка не выпала.

— Кара, ты готова? Нам нужно выезжать, — прокричала мама снизу.

Я посмотрела на свое отражение и снова разглядела невидимые складки на платье, окинула взглядом колготки, затем, наконец, заставила себя поспешить к выходу, пока мама вконец не потеряла терпение. Я могла бы часами проверять свой наряд на возможные огрехи, если бы располагала временем.

Мама стояла в дверях, впуская в дом прохладный осенний воздух, когда я сошла вниз. Она посмотрела на свои золотые часы, а потом надела великолепную шубу, которая стоила жизни многим горносталям. Даже несмотря на то, что в ноябре в Лас-Вегасе было необычайно холодно, шуба выглядела здесь совершенно не к месту, но, поскольку мама купила ее много лет назад в России и любила до безумия, она использовала любую возможность, чтобы надеть ее, даже если это было не по погоде.

Я подошла к маме, не обращая внимания на кислую мину Талии, которая стояла, прислонившись к перилам. Мне было ее искренне жаль, но я не хотела, чтобы кто-то или что-то испортило мне этот вечер. Отец и мать почти никогда не разрешали мне посещать вечеринки, а сегодняшний вечер был самым большим событием года в кругах, где вращалась моя семья. Все, кто стремился занять хоть сколько-нибудь высокое положение в Лас-Вегасе, пытались получить приглашение на праздник в честь Дня благодарения у Фальконе. И в этом году я была приглашена впервые. Триш и Анастасии посчастливилось присутствовать в прошлом году, и, если бы отец не запретил

мне, я бы тоже пошла. Я чувствовала себя маленькой и обделенной всякий раз, когда подруги говорили о вечеринке в предыдущие и последующие недели, что они делали без остановки, вероятно, потому, что это давало им возможность позлорадствовать.

— Передавай привет Триш и Анастасии, а Козимо поцелуй от меня, — приторно сладко протянула Талия.

Я покраснела. Козимо. Он тоже должен был быть приглашен. До этого я встречалась с ним всего дважды, и наше общение было более чем неловким.

— Талия, выброси эти ужасные тряпки в мусорное ведро. Не желаю наткнуться на них где-нибудь в доме, когда мы вернемся, — приказала мама, не глядя на мою сестру.

Талия упрямо вздернула подбородок, но даже с другого конца комнаты я могла видеть намек на слезы в ее глазах. И снова чувство вины нахлынуло на меня, но я застыла неподвижно рядом с входной дверью.

Мама заколебалась, как будто тоже поняла, как обидно было Талии.

— Может быть, в следующем году тебе разрешат поехать с нами.

Она произнесла это так, как будто не ее решением Талию исключили из числа приглашенных на вечеринку. Хотя, честно говоря, я не была уверена, что Фальконе будут слишком счастливы, если люди начнут брать своих младших детей с собой, учитывая, что Фальконе не отличался терпением или любовью к семейным ценностям. Даже собственных детей он

отправил в школу-интернат где-то в Англии, чтобы те не нервировали его. По крайней мере, если верить слухам. Дети Фальконе были в некотором роде запретной темой для обсуждения.

— Надень шубу, — велела мама.

Мне пришлось подчиниться. Когда я выходила, то даже не оглянулась на Талию, которая, наверное, огорчилась из-за такого невнимания. Отец уже ждал на водительском сиденье черного «Мерседеса», стоящего на нашей подъездной дорожке. Прямо за ним была припаркована еще одна машина с нашими телохранителями. Мне было интересно, каково живется тем людям, которые не нуждаются в постоянной охране.

Мама распахнула шубу чуть шире. Я хотела сказать ей, что это Лас-Вегас, а не Россия. Но если она предпочитала получить тепловой удар, расхаживая в шубе, то это была ее проблема.

Мама опустила на переднее пассажирское сиденье машины, а я проскользнула на заднее. Я еще раз бегло осмотрела свои колготки на предмет затяжек, но все было безупречно. Безупречно, как всегда.

Я подумала, что компании — производители колготок должны размещать на своей упаковке предупреждение типа «Предназначены только для использования в положении стоя, движение запрещено», учитывая, как легко было обзавестись затяжкой. Всего-то и нужно было, что ходить. Вот почему я на всякий случай сунула две пары новых колготок в сумочку.

— Пристегнитесь, — произнес отец. Мать наклонилась и промокнула его лысую голову от пота

салфеткой. Я не могла припомнить, были ли у отца когда-нибудь волосы.

— Кара, — произнес отец с ноткой раздражения в голосе.

Я быстро пристегнулась, и он выехал с нашей подъездной дорожки.

— У нас с Козимо сегодня днем состоялся короткий разговор, — сказал он как ни в чем не бывало.

— А? — вопросительно произнесла я. У меня внезапно скрутило живот от беспокойства. Что, если Козимо передумал? Что, если нет? Какой из этих двух вариантов заставил мой живот сжаться сильнее? Тем не менее я все же заставила лицо принять нейтральное выражение, когда заметила, что мама смотрит на меня через плечо.

— И что он сказал? — спросила я.

— Он предложил сыграть свадьбу следующим летом.

Я сглотнула.

— Так скоро?

Между бровями отца залегла небольшая морщинка, но мать заговорила первой.

— Тебе уже девятнадцать, Кара. Следующим летом тебе исполнится двадцать. Самое время стать женой и матерью.

У меня внезапно закружилась голова. Кое-как женой я себя еще представляла, но вот матерью определенно нет. Я была слишком молода для этого. Когда же у меня будет шанс побыть самой собой? Понять, кем я была на самом деле или кем бы я хотела стать?

— Козимо — порядочный человек, а порядочных людей сейчас не так-то легко встретить, — заговорил отец. — Он ответственный. Кроме того, он был финансовым консультантом Фальконе на протяжении почти пяти лет. Он очень умен.

— Знаю, — тихо произнесла я. Козимо был отличной партией при любом раскладе. И внешность имел приметную. Только вот рядом с ним я не чувствовала того особого трепета, о котором пишут в романах. А ведь это был мужчина, за которого мне предстояло выйти замуж. Может быть, этот трепет появится сегодня вечером? Разве вечеринки не были идеальным местом для того, чтобы влюбиться в кого-то по уши? Мне просто нужно было расслабиться.

Вскоре мы въехали на территорию городской усадьбы Фальконе и остановились у величественного дома, по виду напоминающего дворец. Перед ним красовался огромный фонтан с римскими статуями, которые извергали струи воды синего, красного и белого цвета. Как говорил отец, статуи для Фальконе ваял скульптор из Италии. Да и стоил фонтан куда больше, чем отцовская машина. Это была лишь одна из множества причин, по которым мне не нравился Фальконе. Судя по тому, что отец рассказывал мне об этом человеке, он был ужасным хвастуном

и постоянно кичился своим богатством. Отчасти я была рада, что мы с семьей на его стороне. Никто не хотел иметь Фальконе в числе своих врагов.

Куда ни глянь, везде были припаркованы дорогие машины. Оценивая их численность, я задавалась вопросом, как все гости поместятся в доме так, чтобы не толпиться, наступая друг другу на пятки. Несколько лакеев бросились к машине, как только мы остановились, и открыли нам дверцы. На лестнице лежала красная ковровая дорожка. Это была настолько показушная деталь интерьера, что мне стало смешно. Я покачала головой, но быстро осеклась под пристальным взглядом матери. Они с отцом велели мне идти между ними, а телохранители шли, как и полагается, позади нас. У двери нас поджидал еще один слуга с профессиональной натянутой улыбкой. Ни Фальконе, ни его жена не вышли, чтобы встретить нас лично. А собственно, чему я удивляюсь?

Прихожая была самой большой из всех, что мне когда-либо доводилось видеть. Мириады хрустальных фигурок всех форм и размеров были расставлены у стен и на буфетах, а несколько огромных портретов Фальконе и его жены украшали высокие стены.

— Будь вежливой, — еле слышно прошептала мама, когда нас повели к двойным дверям, ведущим в бальный зал с хрустальными люстрами и окаймлявшими его по периметру столами для VIP-гостей. Вдоль одной из стен тянулся длинный стол, уставленный тарелками с канапешками, горами лангустин и омаров, мисками с колотым льдом, где лежали самые большие устрицы, какие я когда-либо видела,